

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА

2025 – 4

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

Аватков В.А. – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Аликберов А.К.* – д-р ист. наук, Институт Востоковедения РАН, *Бондаренко Д.М.* – д-р ист. наук, чл.-кор. РАН, Институт Востоковедения РАН, *Братерский М.В.* – д-р полит. наук, НИУ ВШЭ, *Гордон А.В.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора, *Кораев Т.К.* – канд. ист. наук, МГУ, *Кузнецов И.И.* – д-р полит. наук, МГУ, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Леонова О.Г.* – д-р полит наук, МГУ, *Мирзеханов В.С.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор, *Михель Д.В.* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в перечень ВАК по Специальностям: 050602 Всеобщая история (исторические науки), 050607 История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 050504 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки). Включен в ЕГПНИИ, уровень 2
DOI: 10.31249/rva/2025.04.00
ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

Сенюк Н.Ю. БРИКС как глобальный институциональный вызов и создатель новой системы международной торговли и инвестиций	5
Ступенькова З.Е. Сотрудничество между странами БРИКС в сфере науки, технологий и образования	31
Гончаренко В.Ю. Разногласия США и ЕС после выхода Вашингтона из ядерной сделки по Ирану при первом президентстве Д. Трампа	53

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Гараев З.Э. Образы России и Турции в современных азербайджанских школьных учебниках истории	66
---	----

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Алексанян Л.М. Борьба Турции за Африку. Военно-политический и экономический аспекты взаимодействия с Нигером	76
Демидов К.Б. Арабский социоцентризм: поэтика и политика	89

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Трунов Ф.О. США и система военно-политических форматов антикитайской направленности в ИТР	110
Михель И.В. Китай и первый год СВО. Рец. на кн.: Гончаров С.Н. Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 – апрель 2023 г.). – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. – 288 с.	135
Мозиас П.М. Промышленная политика Китая в контексте международных сопоставлений	145
Максимов А.А. Очарование прекрасной эпохи: заметки об обществе периода Тайсё	179

CONTENTS

CIVILIZATIONS. STATES. CULTURES

Seniuk N.Y. BRICS as a Global Institutional Challenge and Innovative Configurator of International Trade and Investment	5
Stupenkova Z.E. Cooperation Among BRICS Countries in Science, Technology and Education	31
Goncharenko V.Y. Controversies Between the USA and Leading EU Countries after Washington's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal during D. Trump's First Presidential Term	53

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Garaev Z.E. Images of Russia and Turkey in Modern School History Textbooks of Azerbaijani Republic	66
--	----

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Aleksanyan L.M. Turkish Struggle for Africa: Military-Political and Economic Aspects of Interaction with Niger.....	76
Demidov K.B. Arab Sociocentrism: Poetics and Politics.....	89

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Trunov Ph.O. The USA and the System of Military-Political Formats with an Anti-Chinese Orientation in the Indo-Pacific	110
Mikhel I.V. China's and the First Year of a Special Military Operation. Book Review: Goncharov S.N. China's and Russian Special Military Operation (February 2022 – April 2023). Sankt-Petersburg: Nestor-Istoria, 2024. 288 p. (in Russian)	135
Mozias P.M. China's Industrial Policy in a Global Perspective	145
Maximov A.A. The Charm of the Beautiful Era. Notes on the Society of Taisho Period	179

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

СЕНЮК Н.Ю.* БРИКС КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ И СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ИНВЕСТИЦИЙ

Аннотация. Это исследование посвящено определению места и роли БРИКС как инновационного институционального образования и создателя новой архитектуры международного движения товаров и капиталов, а также главного драйвера трансформации существующего мирохозяйственного порядка на многополярной основе. Этот порядок, с концептуальной точки зрения, держался на динамическом балансе неореализма и неолиберализма. Однако в последнее время интенсифицировались процессы геополитической фрагментации и геоэкономической конфронтации между странами Глобального Севера и Глобального Юга. Это привело к усилению процессов деглобализации и нарастанию глобальной нестабильности, побуждая к перестройке существующих глобальных цепочек стоимости (ГЦС), а вместе с тем – потоков промежуточных товаров и прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Как следствие, резко актуализировался теоретический и практический запрос на некий третий путь, способный не только стабилизировать социально-экономическую динамику, но и обеспечить устойчивость глобального развития. Именно в таком политико-экономическом контексте в работе анализируется современный инновационный потенциал БРИКС в качестве институционального каркаса многополярного мирохозяйственного порядка с ведущей политико-экономической ролью Китая. В контексте концептуальной триады неореализма-неолиберализма-институционализма выявляется структурный характер китайской многоуровневой модели

---

* © Сенюк Нинель Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент Департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

двойной циркуляции, с выделением критически важной для такого пути миссии внесения соразвития в мир девелопментализма. Такая модель постепенно адаптируется под формирующуюся новую институциональную архитектуру гибкой интеграции максимально широкого круга участников. Наряду с этим создается необходимая цифровая инфрасистема и платформы сетевого управления с использованием искусственного интеллекта. Такого рода постнеклассические подходы к созданию новой многополярной реальности требуют соответствующего теоретико-методологического обеспечения. Однако не системно-универсализированного, а субъектно-ориентированного. Автор видит свою цель в привлечении внимания к этой проблеме.

Ключевые слова: БРИКС; БРИКС+; международная торговля; ПИИ; ГЦС.

SENIUK N.Y. BRICS as a Global Institutional Challenge and Innovative Configurator of International Trade and Investment

Abstract. This study attempts to define the place and role of BRICS as an innovative institutional formation and configurator of the new architecture of international movement of goods and capital, as well as the main driver of transformation of the existing world economic order on a multipolar basis. This order, from a conceptual point of view, was based on the dynamic balance of the policies of neorealism and neoliberalism. However, recently, the processes of geopolitical fragmentation and geoeconomic confrontation between the countries of the Global North and the Global South have intensified. This has led to the strengthening of deglobalization processes and the growth of global instability, prompting a reconfiguration of existing global value chains (GVCs), and at the same time – the flows of intermediate goods and foreign direct investment (FDI). As a result, the theoretical and practical demand for a certain third way, capable of not only stabilizing the socio-economic dynamics, but also strengthening the sustainability of global development, has sharply actualized. It is in this political and economic context that the paper analyzes the modern transformation potential of BRICS as an institutional framework for a multipolar world economic order, focusing on the leading political and economic role of China. Against the background of the conceptual triad of neorealism, neoliberalism and institutionalism/constructivism, the complex composite four-circuit nature of the Chinese multi-level dual circulation model is shown, highlighting the mission critical for this path – bringing co-development to the world (developmentalism). Such a model is

gradually adapting to the emerging new institutional architecture of soft integration, possibly a wider range of participants within the framework of joint GVCs in the globally integrated BRICS+ space. Along with this, the necessary digital infrastructure and network management platforms are being created using Artificial Intelligence. In turn, such post-nonclassical approaches to creating a new multipolar reality require appropriate theoretical and methodological support. However, not universalized, but subject-oriented. In this sense, the author sees his goal in drawing attention to this problem within the framework of broad international cooperation.

Keywords: BRICS; BRICS+; International Trade; Foreign Direct Investment; Global Value Chains.

Для цитирования: Сенюк Н.Ю. БРИКС как глобальный институциональный вызов и создатель новой системы международной торговли и инвестиций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2025. – № 4. – С. 5–30. – DOI: 10.31249/rva/2025.04.01

В начале XXI в. все отчетливее стали проступать признаки конца всей эпохи промышленного капитала и финансово стимулируемого потребления, что указывало на необходимость глубоких внутренних перемен и институциональной трансформации существующего мирового политического и экономического порядка. Первым мощным, однако не до конца осмысленным, символом конца этой эпохи, стал глобальный финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., разразившийся довольно неожиданно для всей постнеклассической аналитики, сначала в стране – лидере финансово-конфигурируемого капитала и основном архитекторе установившегося мирового порядка США, а далее распространившегося и по всей планете. По аналогии с Великой Депрессией 1929–1939 гг.,озвестившей о кризисе глобального перепроизводства, завершившегося Второй мировой войной, великую рецессию стала, по сути, кризисом перепотребления. Вместе с тем – символом окончания послевоенного этапа, форсированного индустриального развития, путем кейнсианской накачки массового (сначала стандартизированного, а далее брендированного) спроса и неолиберальной политики стимулирования инвестиционного роста, прежде всего крупных финансовых и промышленных транснацио-

нальных корпораций (ТНК). Именно такие ТНК на этом историческом этапе выступали в роли главных как локомотивов, так и бенефициаров международного движения товаров и капиталов, формирующих основу существующего либерально ориентированного мирохозяйственного порядка, при котором богатые становились еще богаче, а бедные беднее (так называемый Эффект Матфея). Такая усиливающаяся экономическая и связанная с этим социальная поляризация обусловила нарастающую сложность политико-экономических процессов и неоднозначность принимаемых решений, вынудившие исследователей ввести для их обозначения даже специальную аббревиатуру VUCA (Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity). Как следствие, возникла потребность в критическом переосмыслении и пересмотре фундаментальных оснований, используемых для описания этих процессов в рамках существующих политико-экономических теорий.

В этом смысле кризис 2007–2009 гг. стал триггером, запустившим процессы трансформации существующей мировой институциональной архитектуры, включая и формальное создание БРИК в 2008 г., с последующим присоединением ЮАР в 2009 г. и превращением группы в БРИКС. А также интенсивное преобразование ТНК в технологически-ориентированные многонациональные корпорации (МНК). Однако незначительность успехов международных организаций по стимулированию международной торговли и инвестиционной активности в рамках современных моделей Глобализации G2.0 (Торговля без границ по правилам ВТО), G3.0 (Производство без границ) и G4.0 (Сервис без границ) привели в 2012 г. к постепенному угасанию ведущей роли международной торговли. Ее доля с 1970-х до начала 1990-х годов увеличилась только с 25% в 1970-х до 30% в 1992-м, к 2000-му достигла 50 и 60% перед кризисом, но возвратилась к этому уровню лишь кратковременно в 2011 г., сравнявшись далее практически с темпами роста ВВП [1, с. 37–38].

Наряду с этим потоки ПИИ своего докризисного уровня достигли только к середине прошлого десятилетия, к тому же на короткое время. А со второй половины стали набирать силу уже противоположные тенденции по выводу капитала, ставшие особенно заметными с первым приходом к власти Дональда Трампа в 2016 г. и резким сдвигом политики его администрации в сторону протек-

ционизма и технонационализма. К 2018 г. эта политика привела к американо-китайской торгово-тарифной войне, продолжающейся и по сей день. Переизбрание в Белый дом Дональда Трампа в качестве 47-го Президента США под эгидой MAGA (Make America Great Again) до предела обострило VUCA-характеристики современного мира, резко усилив и без того достаточно напряженные взаимоотношения внутри стратегического треугольника Россия – США – Китай. Более того, создалась парадоксальная ситуация, когда коммунистический Китай в сфере внешней политики превратился в убежденного сторонника неолиберальной глобализации и сторонника проактивной стратегии в стиле G2.0-G4.0. При этом Соединённые Штаты, воспринимаемые миром как оплот либерализма, демонстрируют реальный национал-протекционизм и агрессивный неореализм, что объективно способствует деглобализации и разбалансировке мировой экономики.

Исходя из доклада Генерального секретаря ЮНКТАД, представленного на XIII сессии ЮНКТАД в 2011 г. [23], следует, что за разбалансировкой мировой экономики, ставшей следствием финансово-ведомой глобализации, преимущественно в неолиберальной форме G2.0+G3.0, основными драйверами и бенефициарами которой стали ТНК/МНК, в том числе и только набирающими в докризисный период свою экономическую силу китайские ТНК-драконы, на самом деле скрывалось более глубокое противоречие. По сути, это было противоречие между глобальными потребностями целостного развития всей планеты и ее регионов, и национально-или корпоративно-ограниченными интересами и возможностями государств и корпораций. В определенной мере это противоречие было уже отмечено в рамках политico-экономического дискурса [2], подчеркивая тем самым необходимость разработки управленческого механизма его разрешения, поскольку существующие финансово-ориентированные международные институты развития с этим не справились.

Собственно, такой попыткой введения глобального проектного ESG-ориентированного (Economic, Social and Governmental) управления и стало принятие ООН 17 глобальных Целей устойчивого развития (ЦУР) в 2015 г. Однако механизм управления достижением ЦУР остался прежний, финансово-инфляционный. В полной мере это проявилось уже в период первого глобального

неэкономического кризиса с громадными экономическими последствиями, вызванного пандемией COVID-19, главными финансово-выми бенефициарами которого, уже в стиле G4.0, в итоге стали крупнейшие технологические западные МНК. Собственно, в таком же ключе – сделать богатых еще богаче – ориентирована и MAGA-стратегия Дональда Трампа, побуждая еще раз всмотреться в глобальные последствия финансовой разбалансировки мировой экономики и социальной поляризации, ставшей следствием заливания пандемии деньгами, прежде всего в странах Глобального Севера.

Естественно, такого рода противоречивое финансово-инфляционное усиление Глобального Севера, в рамках неоклассического глобального равновесия, с неизбежностью способствовало относительному финансово-инвестиционному ослаблению стран Глобального Юга. Однако – дифференцированно, с учетом того, что главным системным бенефициаром Глобализации G2.0+G3.0 стал Китай. А его попытка максимально воспользоваться открывшимися в связи с ЦУР неолиберальными возможностями G4.0, к тому же с использованием достижений китайской ЦЭ, встретила жесткое противодействие Запада в духе неореализма. Другими словами, в духе финансово-управляемого в направлении «сверху вниз», международного движения товаров и капиталов, основными бенефициарами которого становились страны, корпорации и люди с годовыми доходами свыше \$20 тысяч. Именно эта часть населения, представляющая прежде всего страны созданного в 1975 г. бесструктурного объединения G7, формируют вершину пирамиды распределения мирового богатства (ToP – Top of Pyramid). В результате такого эксклюзивного подхода, в соответствии с эффектом Матфея, происходит расширение как ToP, так и бедной основы этой пирамиды (BoP – Base of Pyramid) за счет социального исключения из процессов развития тех, чей годовой доход превышал \$2 тысячи [3]. И такая ситуация объективно указывает на настоятельную потребность в поиске некоего третьего, институционального пути разрешения этого главного противоречия, угрожающего глобальной дестабилизацией, а то и разрушением, существующего мирохозяйственного устройства планеты. Собственно, в качестве такой альтернативы фактически и выступает БРИКС, играющий фундаментальную роль институционального каркаса нового, многополярного мирохозяйственного порядка.